

DOI: 10.31857/S086919080024447-8

**«ЮЖНАЯ АЗИЯ»: МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ
ПРОСТРАНСТВ И ИНСТИТУЦИЙ. Часть I.**

© 2023

И.П. ГЛУШКОВА ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3715-5722; iri_glu@hotmail.com

Резюме: В сегодняшнем понимании «Южная Азия» (South Asia) была изобретена в конце 1940-х гг. как переосмысление прежних подходов к изучению (древнего) Ориента, оказавшихся в условиях Второй мировой войны непригодными. Автор концепта – американский индолог У. Норман Браун (1892–1975) – обозначил таким образом почти всю территорию Британской Индии и создал в Пенсильванском университете факультет региональных исследований Южной Азии. Следствием этого стала институализация – наряду с традиционной санскритологией – современного социально-политического спектра дисциплин, необходимых для полноценного освоения среды бытования изучаемого языка. В дальнейшем эта модель распространилась на учебные заведения Нового света и проникла в Старый. В середине 1970-х гг. кафедра истории Индии, Пакистана, Непала и Цейлона ИСАА (при) МГУ была переименована в кафедру истории Южной Азии, а в 1978 г. Индийский кабинет Ленинградского филиала Института востоковедения РАН получил название сектор Южной и Юго-Восточной Азии. Еще через 40 лет почти одновременно в двух университетах (РГГУ и ВШЭ) и двух академических институтах (ИВ РАН и ИМЭМО РАН) – сформировалось несколько структур под шапкой «Южная Азия». Часть I проливает свет на деятельность Брауна в Управлении стратегических служб США и его контакты с Институтом Тихоокеанских исследований, а также реакцию США на запуск первого советского спутника, принятие американского Закона об образовании для нужд национальной обороны и состязание США и СССР в области подготовки специалистов по странам Южной Азии в качестве инструмента воздействия на постколониальное устройство мира как элемент «холодной войны».

Ключевые слова: Южная Азия, У. Норман Браун, Управление стратегических служб, Институт тихоокеанских отношений, Спутник-1, Закон об образовании для нужд национальной обороны, XXV Международный съезд востоковедов, Военный институт иностранных языков Красной Армии.

Для цитирования: Глушкова И.П. «Южная Азия»: монтаж и демонтаж пространств и институций. Часть I. *Восток (Oriens)*. 2023. №. 2. С. 223–235. DOI: 10.31857/S086919080024447-8

**‘SOUTH ASIA’: CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION
OF SPACES AND INSTITUTIONS. Part I.**

© 2023

Irina GLUSHKOVA ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3715-5722; iri_glu@hotmail.com

Abstract: 'South Asia' as a term in its present meaning was coined in the late 1940s following reinterpretation of previous approaches to the study of the (ancient) Orient, which proved to be ill-suited under the conditions of the Second World War. The author of the concept was the American Indologist W. Norman Brown (1892–1975) who designated almost the entire territory of British India as such and founded the Department of South Asia Regional Studies at the University of Pennsylvania. This innovation led to the institutionalization of modern socio-political disciplines essential for familiarization with the area of the languages studied. Later this model spread to the educational institutions of the New World and reached the Old one. In the mid-1970s, the Chair of History of India, Pakistan, Nepal and Ceylon of the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University was renamed the Chair of History of South Asia, and 40 years later several units containing 'South Asia' in their names sprang up in several Russian academia. Part I sheds light on Brown's activities in the US Office of Strategic Services and his contacts with the Institute of Pacific Relations, as well as the US' reaction to the launch of the first Soviet satellite, the passage of the US National Defense Education Act, and the 'cold war' contest between the US and the USSR in the field of training specialists to be engaged as an instrument of influence on the post-colonial world structure within the South Asian countries.

Keywords: 'South Asia', W. Norman Brown, Office of Strategic Services, Institute of Pacific Relations, Sputnik-1, National Defense Education Act, the 25th International Congress of Orientalists, Military Institute of Foreign Languages of the Red Army.

For citation: Glushkova I. 'South Asia': Construction and Deconstruction of Spaces and Institutions. Part I. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 223–235. DOI: 10.31857/S086919080024447-8

Историография оперирует множеством «Азий» и «Востоков». Реляционный «Дальний Восток» насчитывает самую длительную историю, постепенно все больше удаляясь от «Ближнего» и приобретая разные смыслы. «Средний Восток» до начала XX в. был неизвестен, но зато имеет сразу двух авторов – британского военного публициста Томаса Эдварда Гордона (1900) и американского контр-адмирала Альфреда Т. Мэхена (1902), вероятно, не знавших об изобретениях друг друга [Белокреницкий, 2021]. Биографии «Юго-Восточной Азии» около 200 лет, если вести отсчет от труда американского пастора Говарда Малкома «Путешествие по Юго-Восточной Азии: с охватом Индостана, Малайи, Сиам и Китая...» [Malcolm, 1839]. Титул указывает, что «Индостан», хотя речь идет только о береговой линии современной Восточной Индии, также был включен в Юго-Восток.

Словосочетание «Южная Азия» моложе вышеназванных маркеров. В виде Southern Asia оно впервые прозвучало в конце 1920-х гг. в travelogue англичанина Горация Блекли «Путешествие в Южную Азию: Индо-Китай, Малайя, Суматра и Цейлон. 1925–1926» [Bleackley, 1928], как будто увидевшего те же земли, что и Малком, но в другом географическом измерении. За исключением Цейлона, куда Блекли заглянул под конец, его рассказ также посвящен Юго-Восточной Азии.

У. НОРМАН БРАУН, ПЕНСИЛЬВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ

Как намерение и идея «Южная Азия» сформировалась на пересечении классической индологии и стратегического запроса Второй мировой войны. Вплоть до начала XX в. американский ориентализм означал не что иное, как индологию в ее первозданном виде, т. е. был нацелен на извлечение смыслов из текстового наследия и создание собственного,

американского, образа древней Индии. Браун, однако, в отличие от традиционных индологов, владел живыми языками – диалектами хинди из Харды и Джабалпура, тогда небольших городов Центральных провинций, где жил в детстве с родителями-миссионерами.

Знаток, наряду с санскритом, пали и пракритов, греческого и арабского, автор многочисленных работ по ведийской, буддийской, джайнской и брахманистской мифологиям, индийским миниатюрам и фольклору, заведующий кафедрой санскрита, впоследствии ориентальных исследований, в Пенсильванском университете, президент Американского ориентального общества (1941–1942) и пр., к началу войны Браун был узнаваем за пределами академических кругов в немалой степени благодаря очеркам об Индии, увиденной его собственными глазами, в влиятельной газете *Baltimore Sun*. Этот фактор и наличие у Брауна опыта шифровальщика со времен Первой мировой войны стали причиной его приглашения в 1941 г. на пост руководителя Индийской секции в Отдел Британской империи Исследовательско-аналитического департамента Управления стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS),¹ предшественника ЦРУ США. Уильям Д. Донован, глава Управления, как раз делал ставку на привыкшую к мозговой работе университетскую элиту. Скупые подтверждения успешных достижений Брауна обнаруживаются в публикациях, посвященных деятельности Управления: «19 декабря 1941 г., вскоре после нападения на Пёрл-Харбор Донован обратился к Рузвельту по колониальным аспектам войны в Бирме. Его отчет в значительной части базировался на интервью с бирманским лидером У Со, добытым У. Норманом Брауном и Коньерсом Ридом, сотрудниками Отдела Британской империи...» [Aldrich 2000, p. 200].

Погружаясь в аналитику и логику широкого азиатского спектра, Браун осознавал себя участником эксперимента по соприкосновению двух миров: с 1942 по 1945 г. около 200 тыс. американских военных побывали на Китайско-Бирманско-Индийском театре военных действий, т. е. преимущественно в Восточной (теперь Северо-Восточной) Индии, обеспечивая поставки оружия, топлива, пищи и медикаментов чайнкайшистскому Китаю и противодействуя японскому вторжению; одновременно почти 1,5 млн индийских солдат оказались на Западном фронте и в Восточной Африке в составе союзнических войск. Интерес американского Управления к Индии вместе с тем отвечал перспективным задачам по продвижению американских коммерческих и политических интересов: «Поскольку с 1942 г. послевоенная передача власти² оказалась в центре внимания, Управление задумалось о собственной роли на Среднем Востоке и в Азии» [Aldrich, 2000, p. 134] и поэтому наращивало сбор данных и анализ внутривосточной ситуации³.

Организуя в Пенсильванском университете силами своей кафедры элементарную подготовку⁴ для отбывающего в Индию контингента, Браун осознал беспомощность традиционной филологии в условиях военного прессинга. В 1944 г., уже во время работы в Отделе планирования Управления, он писал в проекте официального документа: «В ходе

¹ Концепция организации, прежде всего Исследовательско-аналитического департамента, после войны так была охарактеризована Донованом: «Мы не полагались на “соблазнительную блондинку” или “фальшивые усы”. Большая часть добытых нами данных была результатом [пролитого] старомодного интеллектуального пота» (цит. по [Katz 2002, p. 43]).

² Подразумевается массовая кампания гражданского неповиновения «Вон из Индии» (Quit India Movement), начало которой было положено выступлением М.К. Ганди на бомбейской сессии Индийского национального конгресса в августе 1942 г.

³ В исследовании о деятельности разведок во время войны с Японией острому соперничеству американской и британской структур в Индии посвящена отдельная часть – «Индия и сферы влияния, 1941–44» [Aldrich, 2000, p. 115–170].

⁴ Отъезжающим преподавали азы хиндустани и читали общий курс по Индии, основанный на материалах книги о современности, которую писал Браун. Ее первое – существенно переработанное – издание под названием «Соединенные Штаты и Индия и Пакистан» вышло в 1953 г.

войны правительственные структуры США нуждались в информации о Востоке в степени, далеко превосходящей ожидания... Наша нация никогда впредь не должна быть настолько плохо оснащена знаниями и специалистами по Востоку, как это выявилось в конце 1941 г. ...Чтобы соответствовать новой ситуации, Америке потребуется собирать информацию и готовить кадры, способные справляться с активизацией политических, деловых и культурных отношений» (цит. по: [Dirks 2015, p. 267]).

Розен Роше, санскритолог и биограф Брауна, отметила, что «[а]ктивное сотрудничество Брауна с правительственными структурами в Вашингтоне и полная погруженность в текущие дела Индии чрезвычайно повысили его авторитет и имели серьезные последствия для высшего образования в Америке. Он укрепился в убеждении, что преподавание языков Южной Азии в контексте повседневности имеет непреходящее значение и должно вестись на постоянной основе, а не только в моменты кризиса. Он обзавелся множеством знакомств, оказавшихся весьма полезными при разработке им Южно-Азиатской программы для Пенсильванского университета» [Rocher, 1978, p. xx]. Первоначально ратуя за расширение «ориенталистского спектра знаний», с 1947 г., сообразуясь с деколонизацией Индостана, Браун предлагает иное обозначение для референта, на котором сфокусировано его внимание, – «Южную (south Asia, Southern Asia и, наконец, South Asia) Азию» как самостоятельный объект изучения. С этого момента он возглавляет мощное лобби за обеспечение национальными ресурсами исследований за пределами философии и мифологии. Благодаря репутации в правительственных кругах, содействию бывших соратников из Управления и поддержке фондов Карнеги, Рокфеллера и Форда в 1948 г. Браун открывает факультет региональных исследований Южной Азии в Пенсильванском университете, где объединяет имперских историков, антропологов, географов, лингвистов и пр. для подготовки первых South Asianists – новой университетской номенклатуры, по сей день не переводимой на русский язык.

У. НОРМАН БРАУН И ИНСТИТУТ ТИХООКЕАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт тихоокеанских отношений (Institute of Pacific Relations), неправительственная организация, созданная в 1925 г. в качестве аналитического центра со штаб-квартирой в Гонолулу (с 1934 г. – в Нью-Йорке) для политической и бизнес-элиты стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в условиях Второй мировой войны и грядущего распада Британской империи предпринял решительные усилия для захвата сферы влияния. Он взаимодействовал со структурами разведки и военными экспертами, в том числе для составления обзорных программ для офицерского корпуса, направляемого в страны региона. В дальнейшем эти разработки стали основой университетских курсов по странам Азии [Hooper, 1988, p. 115].

Одним из инструментов влияния и взаимодействия Института с национальными комитетами стран Азиатско-Тихоокеанского региона были конференции с актуальной для текущего момент повесткой. В 1942 г. такой темой стало «Военное и послевоенное сотрудничество Объединенных Наций»⁵, а генеральный секретарь Института Эдвард К. Картер, наладивший еще во времена Первой мировой войны крепкие контакты с Индией, предвосхищал ее лидерство в поствоенном преобразовании субконтинента. В докладной на его имя от 2 июня (E.C.C., Exhibit No. 1227) автор, обозначенный инициалами С.Р., сообщил свои впечатления о плодотворном – с точки зрения идей – визите в Вашингтон: «У. Норман Браун (Отдел Британской империи), занятый Индией, был преисполнен добрых намерений и искренне

⁵ До формального образования ООН под United Nations подразумевались члены Антигитлеровской коалиции, созданной в 1939 г.

желал, чтобы такая организация, как Институт тихоокеанских отношений, имела доступ к материалам и сотрудникам из разных департаментов. Он собирается предложить кому-то в Управлении фактов и цифр рассмотреть использование Института в качестве полуофициального канала для распространения определенного рода информации. Идея исходила от него самого, и поэтому может иметь особый вес» [*Hearings*, 1952, p. 5256]. Далее автор подчеркивал особую заинтересованность тех, кто нацелен на Индию, сотрудничеством с Институтом и излагал их предложение уделять в дальневосточных обзорах соразмерное внимание Индии, для чего следует добавить в штат Института соответствующего специалиста.

В служебной записке от 21 октября из пакета документов на имя Роберта В. Барнетта (Exhibit No. 787) сообщается: «Серьезным пробелом в нынешнем составе [конференции] является Индия. Вашингтон располагает следующими возможностями: Пол Эллинг, политический советник, в прошлом руководитель Секции Ближнего Востока в Госдепе; Уоллес Мюррей, ее руководитель в настоящем; Эрик Бикрофт и Норман Браун. Из того, что я узнал о первых двух, – ни один из них не будут нам полезен. Относительно Бикрофта и Брауна мне бы хотелось услышать ваше мнение и мнение Депре. Вообще Депре уже говорил, что письменная продукция брауновской секции первоклассна – образна и конкретна. Как [возможного] участника конференции его квалификации он не знает. Бремер оценивает Брауна выше обычного ученого. В его пользу говорит не только его положение, но и академический вес. Хотя мы не принимаем во внимание подобные соображения при формировании американской группы, было бы желательно при прочих равных включить в нее хотя бы одного человека высокого ранга из среды ученых, занимающихся Азией. Но это не должно стать определяющим, если только и по другим параметрам Браун не является лучшим кандидатом» [*Hearings*, 1952, p. 4975]. Браун всё-таки оказался «лучшим», и в алфавитном списке участников десятидневной конференции в канадском городе Мон-Трамблан, уже 19 ноября готовом для циркуляции среди допущенных к гостайне, его имя стояло на первом месте [*Hearings*, 1952, p. 4977].

Путем длительных – начиная со второй половины 1930-х гг. – переговоров с британскими властями в метрополии и колонии – Картеру удалось добиться участия индийцев в конференции 1942 г., хотя «без сомнения, он остался разочарован податливостью индийской группы британскому контролю» [Anderson, 2009, p. 78], но тем не менее Индия (как и присутствовавшая Бирма) утвердилась как субъект тихоокеанских отношений. Фрэнсис Бёртон Харрисон, советник президента Филиппин, в своем дневнике (3 декабря 1942 г.) отметил, что «Индии был посвящен самый важный круглый стол – шесть заседаний, каждое по два часа». Он прокомментировал лоялистские выступления индийских делегатов и последовавшую за этим инициативу Брауна: «У образованного и сдержанного американца У. Нормана Брауна, профессора санскрита из Пенсильванского университета, было конструктивное предложение. Он несколько лет преподавал в Индии английский, но его голос и манеры были недостаточно напористы, чтобы перекрыть висевший, как в зверинце во время приема пищи, шум, и Браун удрученно откинул назад свою светловолосую голову. А предложил он следующее: передачу правительством Индии “ответственного управления” исполнительному совету вице-короля. Мне удалось получить слово, чтобы поддержать его предложение, сославшись на собственный опыт, когда президент Вильсон отправил меня в 1913 г. на Филиппины, чтобы вывести тамошнее правительство из тупика⁶» [Harrison, 1942].

⁶ С 1913 по 1921 г. Харрисон был генерал-губернатором Филиппин, способствуя филиппинизации управленческих структур страны, и впоследствии советником при нескольких филиппинских президентах, в том числе при правительстве в изгнании в Вашингтоне.

Еще через несколько месяцев, уже в 1943 г., доклад Брауна «Предложение относительно Программы расширения изучения Индии в Соединенных Штатах» был заслушан в узком кругу на новой конференции Института тихоокеанских исследований в Принстоне. Именно Институту как беспристрастной и формально не связанной союзническими обязательствами с Великобританией организации было предложено устранить катастрофическую неосведомленность об Индии за пределами классической индологии, и Картер предупредил британских коллег о намерениях: «По мере расширения наших контактов с Индией постараемся держать вас в курсе происходящего» (цит. по: [Anderson, 2009, p. 79]). Таким образом Браун получил еще одну мощную и разветвленную платформу для продвижения своих взглядов и новые знакомства, продолжив сотрудничество с Институтом вплоть до его роспуска в 1960 г.

У. НОРМАН БРАУН И «ЗАКОН ОБ ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ НУЖД НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ»

4 октября 1957 г. Советский Союз вывел на орбиту первый искусственный спутник Земли, что ввергло США в панику: *О, маленький Спутник, летящий высоко / С сигналом «сделано-в Москве», / Ты мир оповещаешь – это небо коммуник, / В то время как дядя Сэм спит //*. Вирши за авторством Герхарда Меннена-Уильямса, губернатора-демократа штата Мичиган, опубликованные в *The New York Times*, были выпадом против Дуайта Эйзенхауэра, президента-республиканца, который, увлекшись гольфом (что обыгрывалось в следующей строфе), не заметил, как небо стало «коммунистическим». Американский президент к тому жеотреагировал на полет фразой «Ну что с того, русские всего-то подбросили вверх маленький мячик», однако страна испытала шок, оценив запуск как несомненное технологическое превосходство соперника и путь к господству в воздушном пространстве. В статье к 30-летию запуска ветеран космической журналистики так оценил это событие: «За исключением Пёрл-Харбора ни одно событие не пошатнуло самооценки Америки так, как это удалось “Спутнику”. 184-фунтовый шарик настолько грубо подорвал представление о том, что Соединенные Штаты являются мировым лидером в военной, экономической и технологической сферах, что это полностью изменило то, как американцы проводили исследования, поддерживали университеты и обучали своих детей» [O’Toole, 1982]. К 50-летию запуска еще один ветеран научной журналистики подтвердил, что пережитый в 1957 г. общенациональный ужас вывел «холодную войну» за пределы военного и политического формата, распространив ее на все области: «Ничего и никогда уже не будет по-прежнему – ни в геополитике, ни в науке и технологии, ни в повседневной жизни и возможностях человека как вида». Он же предложил более понятную для XXI в. аллгорию ужаса – «теракты 11 сентября»⁷ [Wilford, 2007].

Память о национальном унижении и всеобщем помешательстве с участием даже хорошо информированных представителей истеблишмента сохранялась десятилетиями: «Директор Смитсоновской астрофизической обсерватории произнес: “Я не удивлюсь, если в течение недели русские достигнут Луны”. На вопрос, что можно найти на Луне, Эдвард Теллер, один из изобретателей водородной бомбы, ответил: “Русских”. Газета “Нью-Йорк Таймс” заявила, что Соединенные Штаты “участвуют в гонке за выживание”, а редакционная статья в “Чикаго Дейли Ньюс” оповестила, что “недалек тот день, когда русские смогут доставить смертоносную боеголовку в заранее определенную цель практически в любой точке земной поверхности”. Линдон Б. Джонсон, лидер большинства в Сенате, сообщил: “Скоро они

⁷ Речь идет о серии терактов 11 сентября 2001 г. (9/11), приведших к гибели 2977 человек (не считая террористов-самоубийц).

будут кидать в нас бомбы из космоса, как дети с автострад швыряют камнями в машины внизу»» [Moore, 2002, p. 66].

«Дядя Сэм», однако, не дремал: «Высшие должностные лица, включая Эйзенхауэра, знали, что Советы в состоянии опередить Соединенные Штаты в освоении космоса, хотя и держали это знание при себе. Национальная безопасность, а не космический спутник, была главным приоритетом» [Moore, 2002, p. 66]. Через 11 месяцев – 2 сентября 1958 г. – Эйзенхауэр подписал «Закон об образовании для нужд национальной обороны» (National Defense Education Act, NDEA), тем самым узаконив федеральное финансирование высшего образования и обеспечив прорывы во всех отраслях знания⁸.

Под гипнозом от транслируемой всеми американскими радиостанциями «зловещей каденции» *beer* было немедленно создано Национальное управление по авионавигации и исследованию космического пространства (National Aeronautics and Space Administration, NASA) и под напором многочисленных докладных Брауна выделены огромные суммы на создание структур по изучению Южной Азии в Калифорнийском, Колумбийском, Мичиганском, Чикагском, Висконсинском и др. университетах. «“Закон” был прямым ответом на запуск советского Спутника в октябре 1957 г. Началось апокалиптическое сражение... За первые пять лет своего существования “Закон” вложил в образование более миллиарда долларов, из которых 74 млн ушло на программы изучения иностранных языков. Последствия этого Закона для всей индустрии образования в США были глубокими, но, пожалуй, нигде такими мощными, как в области ареальных (area) исследований» [Davis, 1985, p. 53, 55].

«Звездный час» Брауна как будто действительно снизошел с небес, и его настойчивость в продвижении идеи ареальных исследований Южной Азии получила реальное воплощение. Он без устали взаимодействовал с различными федеральными структурами и неправительственными фондами, разрабатывал программы, публиковал рекомендации и обоснования [Resources, 1960; Brown, 1964]. Это была трудоемкая организационная и просветительская работа, особенно важная с учетом ограничительного срока действия «Закона», пролонгации которого каждая отрасль добивалась по-своему. Например, в 1963 г. в качестве уполномоченного Американского совета по образованию Браун представил письменный отчет Комитету по образованию и труду Палаты представителей США и усилил звучание наиболее важных позиций в устном выступлении (10 мая 1963 г.) в рамках предполагаемой правки и расширения «Закона». Он специально оговорил, что его наблюдения относятся не к ареальным исследованиям, финансируемым «Законом» в целом, а только к успехам в изучении той части, которая состоит из Индии, Пакистана, Цейлона, Непала, Афганистана [Hearings, 1964, p. 124]. Перечисление достижений завершилось обоснованием роста финансирования в работе Центров Южно-Азиатских языков и региональных исследований для введения надбавок за заслуги, новых ставок, стипендий для выездов в поле и диссертаций.

Масштабность «Закона» в целом вызывает восхищение до сих пор, потому что под «оборонное образование» попало все: от иностранных языков и физики до технических, международных и внутрирегиональных областей. В своей первоначальной формулировке он продлевался каждые четыре года и в той или иной степени переоформляется и возобновляется каждым циклом федерального финансирования по настоящее время» [Ponte, 2016, p. 1]. В недавней диссертации «Первая линия обороны: высшее образование в военное время и совершенствование образования для нужд обороны», защищенной в Вашингтонском университете, слово «Спутник» упоминается 63 раза, а последняя глава – «Гонка за знаниями:

⁸ Феноменальному успеху этой законодательной инициативы посвящена огромная литература как общего характера, так и по отдельным отраслям знания. См., напр.: [Jolly, 2009; Ponte, 2016].

советские и американские реформы 1958 г. в области образования» – «открывает окно на образовательное “поле битвы” времен “холодной войны”» [Ponte, 2016, p. 154–184].

У. НОРМАН БРАУН И XXV КОНГРЕСС ВОСТОКОВЕДОВ В МОСКВЕ

В устном сообщении Специальному подкомитету Браун проинформировал чиновников о положении дел у бывших союзников (Grand Alliance), теперь соперников: «Летом 1959 г. ... я провел около месяца в Западной Европе и Великобритании, где знакомился с положением дел в современных Южно-Азиатских исследованиях. На следующий год я побывал в СССР и месяц занимался тем же: множество газетных публикаций сообщало об их удивительных и замечательных свершениях в этой области⁹, значительно превосходящих все, что делается в Соединенных Штатах...

Результаты моих наблюдений в 1959 и 1960 гг. свидетельствуют, что общий объем преподавания и изучения Южной Азии в Америке неизмеримо больше, чем в любой другой стране за пределами самой Южной Азии. Это заявление подразумевает и СССР. Однако ни один американский институт не обладает такой численностью сотрудников, занятых Южной Азией, как Школа востоковедения и африканистики Лондонского университета, хотя общий объем исследований в Соединенных Штатах превышает совокупный продукт Великобритании в этой области... В континентальной Западной Европе и опять же в Советском Союзе общий объем исследований, даже если их сложить вместе, уступает Соединенным Штатам. Все это указывает на осознание Америкой роли Южной Азии в развитии цивилизации, ее современного веса в Азии и в мировом порядке...» [Hearings, 1964, p. 128].

Отвечая на вопросы одного из члена подкомитета, Браун заметил, что «в Индии полагают, что индийскими языками владеют только сами индийцы или русские», что, вроде, говорит в их пользу, но что «ареального подхода» в посещенных им странах фактически нет: «В СССР уделяется внимание дисциплине под названием “история”, но это всего лишь оценка Южно-Азиатской истории с позиций марксистской диалектики, и тем самым изучение современной Южной Азии также подпадает под эту “историю”, но фактически оказывается изучением текущей экономической истории [Hearings, 1964, p. 130]. Браун также отметил общую методологическую и идеологическую узость Южно-Азиатских исследований в СССР и заверил слушателей, что американцам в этой области удастся гораздо больше, что вызвало одобрение членов Комитета как свидетельство слабой «конкурентоспособности коммунистов».

Формальным поводом для визита Брауна в СССР был XXV Международный конгресс востоковедов, проведения которого своим упорством и авторитетом добился Бободжан Гафурович Гафуров, академик Таджикской ССР, директор Института востоковедения АН СССР. На XXIII съезде в Париже (1954) советские делегаты вступили в Международный союз востоковедов, и перед следующим – в Мюнхене (1957) – Гафуров заблаговременно обратился в ЦК КПСС за разрешением о выдвижении Ленинграда¹⁰ в качестве места проведения в 1960 г. следующего – XXV – Конгресса [Гафуров, 2010, с. 810]. После согласования кандидатуры СССР с Консультативным советом в Мюнхене, по странному совпадению

⁹ «Решение о проведении XXV Международного конгресса в СССР было принято в Мюнхене в 1957 г., и в советской прессе стали появляться публикации, указывающие, что советское правительство намеревалось не упустить предоставленной возможности и продемонстрировать то, что оно считало новой и просвещенной концепцией востоковедческих исследований» [Wheeler, 1961, p. 17]. Тем же самым были заняты научные журналы в СССР, рассказывая, в том числе, о ранее проведенных ориенталистских форумах [Kemper, 2015, p. 28, fn 84, 85].

¹⁰ О явных и неявных причинах переноса места проведения Конгресса в Москву см. [Wheeler, 1961; Русинова, 2008; Kemper, 2015].

именно 4 октября 1957 г. – в день запуска «Спутника-1», Президиум Академии наук дал добро на его проведение в СССР.

В Москве, где прошел XXV Конгресс, Браун представлял сразу три организации – Американский совет научных обществ, Ассоциацию азиатских исследований и Пенсильванский университет, а его доклад на Секции XIV (Индианистика) – *The Mahimnastotra (Ode in Praise of Shiva's greatness)* – был выдержан в традициях классической санскритологии [Труды, 1962, с. 29]. В качестве члена Международного консультативного комитета Браун принял участие в трех рабочих заседаниях, где при обсуждении места проведения следующего конгресса «холодная война» между СССР и США вышла на новый виток. Британский историк полковник Д.Э. Виллер, рассказывая о московском Конгрессе в Королевском Центральноазиатском обществе, заметил: «Возможно, вы уже слышали, что следующий конгресс состоится в Индии. К этому решению пришли не без существенных разногласий и определенного ожесточения. Приглашения поступили в числе прочих от Соединенных Штатов и Объединенной Арабской Республики, причем советский участник проголосовал за ОАР» [Wheeler, 1961, p. 21]. Сунити Кумар Чаттерджи, знаменитый индийский лингвист и друг Брауна, помнил об этом эпизоде и по прошествии более чем десятилетия: «В 1960 году мы оба были на 25-м Международном конгрессе востоковедов в Москве, впервые за много лет, когда уголок “железного занавеса” в Советском Союзе слегка приподнялся, чтобы допустить иностранных ученых к участию в научном мероприятии. Мы отчетливо помним тупиковую ситуацию, созданную вокруг места проведения следующего Международного конгресса – 26-го, который США хотели организовать в каком-нибудь американском городе. Гордиев узел к всеобщему облегчению был разрублен Индией, и благодаря доброй услуге индийского правительства был избран Нью-Дели. Все знали, что после Индии препятствий для проведения следующего конгресса в США уже не будет. Мы с Брауном – вместе с прочими – в связи с этим провели в Москве весьма увлекательную неделю, не только интересную, но и в высшей степени странную, изматывающую, полную глупых интриг» [Chatterji, 1978, p. xii].

XXVII Международный конгресс востоковедов действительно состоялся в США, в Мичиганском университете в Энн-Арборе, и его президентом, конечно, был Браун. Однако без эксцессов не обошлось, потому что: «.....практически перед самым открытием Конгресса, в последнюю минуту, советская делегация резко отменила свое участие, вероятно в знак протеста против войны во Вьетнаме, и была поддержана большей частью сателлитов из Восточной Европы и Среднего Востока. Помимо срыва индивидуальных программ, тщательно составленных так, чтобы свести вместе ученых с разными взглядами на общую тематику, поздний отказ привел к тому, что возможностей пригласить замечу уже не было и на воздушных судах, зафрахтованных Оргкомитетом, осталось много невостребованных мест» [Shaw, 1968, p. 15].

И все же по целому ряду внутренних и внешних причин советское востоковедение складывалось как важная часть международной стратегии государства нового типа [Кемпер, 2011; Тольц, 2011]. В годы Второй мировой войны гуманитарные контакты между СССР и Индией – почти напрямую, в обход колониального правительства, – неизмеримо возросли, и уже с 1942 г. началось советское радиовещание на нескольких индийских языках [СССР и Индия, 1987, с. 109]. В 1944 г. Военный институт иностранных языков Красной Армии приступил к набору на индийское отделение фронтовиков, многие из которых в дальнейшем пришли в Академию наук (Институт востоковедения АН СССР) и МГУ (Институт восточных языков, впоследствии Институт стран Азии и Африки [при] МГУ)¹¹ [Аксёнова,

¹¹ В частности, автором до сих пор актуального гимна «вишняковцев» (*Где б ты ни скитался, / Где б ты ни мотался / – По какой дорожке ни пройдешь: / В Лондоне, в Каире, в Токио, в Кашире / – Всюду ты вишняковцев*

2008; Чельшев, 2008]. Парадоксальным образом период «холодной войны» оказался весьма плодотворным не только для космических исследований, но и для форсированного развития South Asian studies в США и «индологии» (как называли это направление несмотря на фактическую неточность и определенную негативную коннотацию) в СССР. При этом «ориентология и в СССР, и в США была в равной степени посвящена как “другой сверхдержаве”, так и “Востоку”, и с обеих сторон востоковедная наука подвергалась новой волне политизации, которая сопровождалась беспрецедентным расширением ее институциональной инфраструктуры» [Kemper, 2011, p. 3].

Политизация и сопутствующее соперничество в результате привели к формированию своего рода «треугольника, в котором Запад, СССР и Восток постоянно взаимодействовали. Это взаимодействие тем более увлекательно, что после Второй мировой войны Восток уже был не только классическим объектом ориентальных исследований и главной целевой областью западной и советской внешней политики, но и крепнущим глобальным игроком, который лавировал между капиталистической и социалистической системами» [Kemper, 2011, p. 5].

Современный сайт Института востоковедения РАН вполне сохраняет ароматы той эпохи: «После Второй мировой войны изменившаяся обстановка на международной арене и новые внутриполитические условия поставили перед советским востоковедением новые обширные и серьезные задачи. Их решение потребовало более глубоких теоретических оснований и соответствующих подходов. Масштабности таких задач отвечали и меры по реорганизации востоковедной науки. По предложению Президиума АН СССР в постановлении от 1 июня 1950 г. и, согласно решению Совета министров СССР, Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву. Основные фонды рукописей Института, а также фундаментальную библиотеку было решено оставить в Ленинграде в качестве филиала Института востоковедения АН...»¹².

XXV Международный конгресс востоковедов в Москве под председательством Б.Г. Гафурова, бывшего первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Таджикистана, приступившего в середине 1950-х годов к переформатированию востоковедения в прикладную науку, оставил по себе память как «любопытная смесь агрессивной советской антизападной риторики на открытии форума и вполне традиционной учености в рабочих секциях» [Kemper, 2011, p. 11]. Отвлекаясь от идеологических резонансов, двигавших Гафуровым, совершенно очевидно, что приемы модернизации исследований Востока, по многим аспектам совпадали с теми, что усиленно внедрял Браун: в СССР, как и в США, продолжался курс, определенный внешнеполитическим ведомством страны еще в годы войны и поддержанный в первую очередь военными структурами. Имелись, впрочем, и различия – сосредоточение в СССР исследовательского потенциала в федеральном центре и скудное государственное финансирование, в дальнейшем – особенно в перестроечный период 1990-х гг. и далее – существенно обескровившие научно-исследовательский и созидательный потенциал отечественной индианистики. Однако главным расхождением было то, что Браун приращивал к классике богатейшую палитру современности, обогащая ее методологическими прорывами в социополитических и гуманитарных науках. В СССР же классическая индология осталась в Ленинграде и была отодвинута на задний план в Москве, отчего «прикладная» наука в значительной степени утратила основу, из которой должна была бы произрастать.

найдешь), т. е. выпускников Военного института, стал Анатолий Тихонович Аксёнов (1923–1990), возглавлявший в годы моей учебы в ИВЯ/ИСАА кафедру индийской филологии.

¹² <https://ivran.ru/about-institute/history> (12.11.2022).

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории [RGANI – [Russian State Archive of Contemporary History].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аксёнова Е.А. Из биографии А.Т. Аксёнова (04.03.1923–23.02.1990). *Язык до Индии доведет. Памяти А.Т. Аксёнова*. Под ред. И.П. Глушковой. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 8–10 [Aksyonova E.A. From the Biography of A.T. Aksyonov (04.03.1923 – 23.02.1990). *A Language Will Bring One to India. In Memory of A.T. Aksyonov*. Ed. I.P. Glushkova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. Pp. 8–10 (in Russian)].

Белокреницкий В.Я. Современный Средний Восток – геополитическая динамика, специфика общества и дивергенция государств. *Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография*. Под ред. Белокреницкого В.Я., Мамедовой Н.М., Ульченко Н.Ю. М.: ИВ РАН, 2021. С. 13–27 [Belokrenitsky V.Y. Contemporary Middle East. Geopolitical Dynamics, Specifics of Society and State Divergency. *Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History and Historiography*. Eds. Belokrenitskiy V.Y., Mamedova N.M., Ulchenko N.Y. Moscow: IOS RAS, 2021. Pp. 13–27 (in Russian)].

Гафуров Б.Г. Записка директора Института востоковедения АН СССР Б.Г. Гафурова с предложением о проведении очередного XXV Международного конгресса востоковедов в СССР. 29 июня 1957 г. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 336. Л. 13. Подлинник. *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922 – 1981. 1952–1958*. М.: РОССПЭН, 2010 [Gafurov B.G. Note by the Director of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences B.G. Gafurov with a Proposal to Hold the Next 25th International Congress of Orientalists in the USSR. June 29, 1957. RGANI. Fund 4. Inv. 16. Case 36. Original. *Academy of Sciences in the Decisions of the Politburo of RKP (b) – VKP (b) – KPSS Central Committee. 1922–1981. 1952–1958*. Moscow: ROSSPEN, 2010 (in Russian)].

Русинова Э.С. Воспоминания о XXV Международном конгрессе востоковедов (1960). *Письменные памятники Востока*. 2008. № 1 (8). С. 47–50 [Rusinova E.S. Memories of the 25th International Congress of Orientalists (1960). *Pis'mennye pamiatniki vostoka* (=Literary Monuments of the East). 2008. No 1 (8). Pp. 47–50 (in Russian)].

Тольц В. *Собственный Восток России. Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период*. М.: Новое литературное обозрение, 2011 [Tolts V. *Russia's Own Orient: the Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Moscow: Novoye literaturnoe obozrenie, 2011 (in Russian)].

Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Под ред. Б.Г. Гафурова. Том IV. Заседания секций XIV–XV. Москва, 9–16 августа. М.: Издательство восточной литературы, 1963 [Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Orientalists. B.G. Gafurov (ed.) Sections XIV–XV. Vol. IV. Moscow, August 9–16. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1963 (in Russian)].

Челышев Е.П. Творец «Гимна винаяковцев». *Язык до Индии доведет. Памяти А.Т. Аксёнова*. Под ред. И.П. Глушковой. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 33–46 [Chelyshev E.P. Creator of the Hymn of the Military Institute of Foreign Languages of the Red Army. *A Language Will Bring One to India. In memory of A.T. Aksyonov*. Ed. I.P. Glushkova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. Pp. 33–46 (in Russian)].

Aldrich R.J. *Intelligence and War Against Japan: Britain, America and the Politics of Secret Service*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Anderson M.R. *Pacific Dreams: The Institute of Pacific Relations and the Struggle for the Mind of Asia*. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial

Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Austin: The University of Texas, 2009. <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/ETD-UT-2009-08-301/Dissertation%203.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (accessed: 11.11.2022).

Bleackley H.A. *Tour in Southern Asia (Indo-China, Malaya, Java, Sumatra, and Ceylon, 1925 – 1926)* with 21 illustrations from Photographs. London: John Lane The Bodley Head, 1928.

Brown W.N. South Asia Studies: A History. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 356. Iss. 1. 1964. Pp. 54–62.

Chatterji S.K. W. Norman Brown's contribution to Indian philology. *India and Indology. Selected Articles by W. Norman Brown*. R. Rocher (ed.) Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarsidas, 1978. Pp. x–xii.

Davis R.H. *South Asia at Chicago: a history, foreword by Milton Singer*. COSAS New Series No. 1. Chicago: Committee on Southern Asian Studies, University of Chicago, 1985.

Dirks N.B. Chapter 12. South Asian Studies: Futures Past. The Paper written for a conference on “Rethinking Area Studies,” organized by David Szanton and funded by the Ford Foundation, held at New York University on April 24–26, 1998. *Dirks N.B. Autobiography of an Archive: A Scholar's Passage to India*. New York: Columbia University Press, 2015. Pp. 265–290.

Harrison, Francis Burton. The Philippine Diary Project, 1942. *Daily Entries from the Philippine History. Diary of Francis Burton Harrison*. <https://philippinediaryproject.com/1942/12/03/december-3-1942-2/> (accessed: 14.07.2022).

Hearings. Vol. 4. *U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Eighty-second Congress, Second Session. 1952. Institute of Pacific Relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary. United State Senate. Eighty-Second Congress. Second Session on the Institute of Pacific Relations. Part 14*. Washington: United States Government Printing Office, 1952. <https://clck.ru/33qdj7> (accessed: 14.07.2022).

Hearings. Vol. 3. *To Amend and Extend the National Defense Education Act: Hearings before the Special Subcommittee on Education of the Committee on Education and Labor House of Representative. Eighty-Eighth Congress. First and Second Sessions on H.R. 6061, H.R. 9846, and similar bills to extend and improve the provisions of the National Defence Education Act of 1958*. Washington: U.S. Government Printing Office, 1964. <https://clck.ru/33qdkA> (accessed: 30.08.2022).

Hooper P.F. The Institute of Pacific Relations and the Origins of Asian and Pacific Studies. *Pacific Affairs*. Vol. 61. No. 1. 1988. Pp. 98–121.

India, Pakistan, Ceylon. W. Norman Brown (ed). Ithaka: Cornell University Press, 1951

Jolly J.L. The National Defense Education Act, Current STEM Initiative, and the Gifted. *Historical Perspectives*. Vol. 32. No. 2. 2009. Pp. 50–53.

Katz B.M. The OSS and the Development of the Research and Analysis Branch. *The Secret War. The Office of Strategic Services in World War II*. G.C. Chalou (ed.) Washington DC: National Archives and Records Administration, 2002. Pp. 43–47.

Kemper M. Introduction. Integrating Soviet Oriental Studies. *The Heritage of Soviet Oriental Studies*. M. Kemper, St. Conermann (eds.) Abingdon: Routledge, 2011.

Kemper M. Propaganda for the East, scholarship for the West: Soviet strategies at the 1960 International Congress of Orientalists in Moscow. *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War*. M. Kemper, A.M. Kalinovsky (eds.) London: Routledge, 2015. Pp. 170–210.

Malcolm H. *Travels in South-Eastern Asia: Embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China: with Notices of Numerous Missionary Stations and a Full Account of the Burman Empire with Dissertations, Tables, etc.* Vol. I, II. Boston: Gould, Kendall, and Lincoln, 1839.

Moore M. (Review) Twinkle, twinkle. Sputnik: The Shock of the Century by Paul Dickson. Walker & Company, 2001. 310 pages; \$28.00. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 58. Iss. 3. 2002. Pp. 65–67.

O'Toole T. When Sputnik Shocked Us. *The Washington Post*. 04.10.1982. <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1982/10/04/when-sputnik-shocked-us/3822712e-3afb-4452-990b-2f78d67b38b4/> (accessed: 16.08.2022).

Ponte D.A. *The First Line of Defence: Higher Education in Wartime and the Development of National Defence Education, 1939–1959*. A dissertation to be submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Seattle: Univeristy of Washington, 2016. https://digital.lib.washington.edu/researchworks/Resources/bitstream/handle/1773/38611/Ponte_washington_0250E_16770.pdf?sequence=1 (accessed: 03.09.2022).

Resources for South Asian Language Studies in the United States. Ed. by W. Norman Brown. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1960.

Rocher R. W. Norman Brown, 1892–1975. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 96. No. 1, 1976. Pp. 3–6.

Rocher R. Biographical Sketch. *India and Indology. Selected Articles by W. Norman Brown*. R. Rocher (ed.) Delhi–Varanasi–Patna: Motilal Banarsidas, 1978. Pp. xvii–xxiii.

Shaw S.L. The International Congress of Orientalists. *Middle East Studies Association Bulletin*. Vol. 2. No. 2. 1968. Pp. 15–20.

Wheeler G.E. Russia and Asia in 1960. *Journal of the Royal Central Asian Society*. Vol. 48. No. 1. 1961. Pp. 17–28.

Wilford J.N. With Fear and Wonder in Its Wake, Sputnik Lofted Us Into the Future. *The New York Times*. 25.09.2007. <https://www.nytimes.com/2007/09/25/science/space/25sput.html> (accessed: 12.08.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЛУШКОВА Ирина Петровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Irina GLUSHKOVA, DSc (History), Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.